

Андрей Алексеев: «Прожитыми годами не горжусь, но вроде и не стыжусь их...»

22 июля 2014 года Почетному члену Российского общества социологов, кандидату философских наук Алексееву Андрею Николаевичу исполнилось 80 лет. Редакция журнала "Теле-

скоп" поздравляет его с этим славным юбилеем, желает ему здоровья и успешного продолжения его многолетней научной и общественной деятельности.

Я помню, как Андрею Николаевичу Алексееву исполнялось 40 лет, 50, 60, 70 и вот — 80. Им немало прожито и немало пережито. Он много сделал и многое делает. Как рабочий на заводе: ежедневно и полную смену. И даже больше. Постоянные сверхурочные, переработки, нет выходных и не уходит в отпуск. Алексеев начинал свои социологические поиски, когда многих его коллег-журналистов слово социология, по крайней мере, настораживало, буржуазное оно было. Он внедрял в нашу практику контент-анализ и качественные методы. Прошли годы, и он ввел в отечественную социологию "многообразие", он первым начал соединять в нечто единое, цельное научные тексты, эссе, письма и документы. Это очень трудно: нужны смелость и чувство меры, гармонии. Прошло еще несколько десятилетий и Алексеев стал первопроходцем в ведении постоянной колонки на информационно-аналитическом

портале "Когита.Ру". Так его социологическая и гражданская деятельность приобрели высокую публичность.

Мною проведено уже свыше 60 интервью, и о каждом из них я примерно помню, как оно начиналось и как завершилось. Но публикуемое ниже — особое. Мы на связи ежедневно, и в один из моментов — так, между делом — договорились об этом интервью. И, продолжая обсуждение разных текущих вопросов, как-то завершили интервью. Промелькнула пара месяцев, мы немного нарастили текст. Но ежедневный обмен мнениями, замечу, далеко не во всем совпадающими, продолжается. И хотелось бы, чтобы это продолжалось как можно дольше.

Дорогой Андрей, здоровья тебе и успехов во всех твоих делах.

Борис Докторов

— Андрей, давно, в 2006 году, я начал расспрашивать тебя о твоей жизни, а ты приступил к рассказу...¹ С тех пор (или даже раньше) мы находимся в плотной переписке, так что можно сказать, что интервью продолжалось все это время. Тем не менее, не мог бы ты выделить опорные моменты твоей профессиональной жизни в последние годы?

— Да, при высокой плотности нашего общения последние 7 лет, можно сказать, что вся моя профессиональная жизнь эти годы разворачивалась даже не то, чтобы у тебя на глазах, но с твоим непосредственным участием. Этому способствовали и максимальное использование возможностей электронной связи, и взаимная заинтересованность в судьбе друг друга, и растущая общность научных интересов.

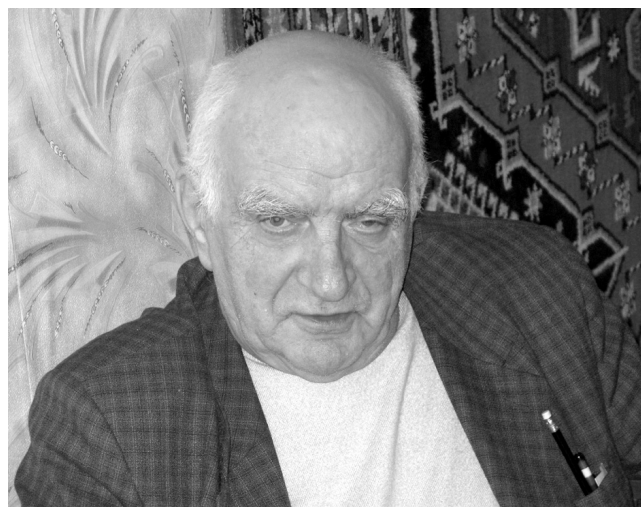
Достаточно сказать, что из наших контактов в течение февраля-октября 2006 года (как раз период нашего первого интервью) удалось потом сделать совместную книжку: В поисках Адресата (Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников)².

Ну, а потом ты писал обо мне очерки (то для "Телескопа", то для "Социологического журнала"), а я оказался "редактором-инициатором" (официально — редактором-составителем) твоего знаменитого собрания ныне уже свыше 50 биографических интервью с коллегами-социологами пяти поколений.

Из событий моей жизни этого времени, наверное, важнейшей, судьбоносной вехой явилось увольнение из Социологического института в 2008 году. Формальное обоснование — "по сокращению штатов", а по существу, я бы сказал, "по совокупности заслуг", причем для этого тогдашний (да и нынешний) директор СИ РАН так старалась, что в пору возгордиться.

Я, действительно, не укладывался в некоторые институциональные нормативы профессиональной деятельности, хоть и не могу сказать, что уж совсем ими пренебрегал. Так что к усилиям институтского начальства освободить это учреждение от моего присутствия, я отношусь с пониманием, а по совокупности последствий — так даже и с благодарностью.

Во-первых, мне удалось благополучно перейти из положения сочинителя заявок, планов и отчетов в положение этакого

freelancer'a, "свободного художника", независимого исследователя — статус, в каком надеюсь пребывать всю оставшуюся жизнь.

Во-вторых, сама ситуация увольнения оказалась настолько социологически интересной, модельной, или моделирующей определенные социальные процессы и тенденции ("моделирующая ситуация", как ты знаешь, это мое терминологическое нововведение, как и "наблюдающее участие"), что мне осталось только строго фиксировать ее истоки и развитие, с сопутствующим анализом.

Большого подарка администрация СИ РАН своему неудобному сотруднику преподнести не могла, став при этом сама актором (группой акторов) в кейсе экспериментальной, или драматической социологии. Все как в "эксперименте социолога-рабочего" — то ли гонимого, то ли преследующего социальные институты, чтобы дать им раскрыться "во всей красе" и опасной для них транспарентности.

Этого кейса хватило на целый том с лишним из 4-томника "Профессия — социолог..", написанного и изданного нами с Р. Ленчовским в 2008-2010 гг. (Автопрезентацию этой книги см. в

¹ См.: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Alekseev.pdf>

² См.: http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf

"Украинском социологическом журнале"³ и в журнале "Семь искусств"⁴).

В силу ли этого счастливого стечения жизненных обстоятельств, в силу ли внутренне сложившегося нарушения законов акмеологии (что, кстати сказать, и тебе знакомо), последующие пять лет оказались едва ли не самыми продуктивными в моей профессиональной биографии, хотя бы солнце жизни естественно и склонялось к закату. Коль скоро ты просишь "выделить" опорные моменты, я назову несколько сфер приложения сил (они же — формы самореализации):

1) Занятия *биографией*, скажем так, в социологическом и историческом аспектах, иногда с претензией на междисциплинарный синтез. В основном теоретико-методологические изыскания, но также и "прикладные". Работа "в точке пересечения биографии и истории общества" (по выражению Ч. Р. Миллса). Этому немало способствовал и наш коллективный мега-проект⁵, который назову привычным словом "Международная биографическая инициатива", и "невидимый колледж", сложившийся на его базе.

2) Наблюдающее участие в жизни *социологического сообщества* Питера, да, пожалуй, и России, от попыток консолидации сопротивления мракобесным тенденциям в развитии социального института отечественной социологии⁶, особенно активизировавшимся во второй половине "нулевых" годов, до волонтерского "социологического сопровождения" подготовки и проведения двух — Московского и Уфимского — "Четвертых" всероссийских социологических конгрессов в 2012 году⁷.

3) Довольно активное участие в делах Научно-информационного центра "Мемориал" (СПб)⁸. Этой замечательной команде энтузиастов (одной из тех некоммерческих организаций, кого наши бдительно/бдящие власти пытаются записать в "иностранные агенты"), мне удалось передать свой многострадальный (во времена пребывания в Социологическом институте) "Алексеевский архив". Участвую и в других мемориальных проектах.

4) Своего рода *камеральная* работа (так это называется, например, у геологов), как ее можно обозначить, если считать всю жизнь работой *полевой*. Каждому камушку и сколу породы, привезенному когда-то из экспедиции, нужно найти свое место в коллекции, описать, истолковать в контексте и т. д. Работа с архивом (не "в", а именно "с"), причем по преимуществу — с собственным. Итог — три тома "Из неопубликованных глав "Драматической социологии..." (тома 1, 1/1, 1/2)⁹. Вот ответу на твои вопросы, и займусь четвертым (том 3).

Не так давно, я опубликовал на портале "Когита.ру" две своих сетевых библиографии за последние 15 лет: "Сезам, откройся!" (там, кстати, и некоторые работы коллег и друзей, вывешенные мною на Яндекс.Народ.ру и на Диск.ру) и "ППСС Андрея Алексеева"¹⁰ (ППСС — почти полное собрание сочинений. Эта остроумная аббревиатура заимствована у красноярского историка-мемориальца Алексея Бабия).

5) Продолжение "*Драматической социологии*", во времени и пространстве (то и другое — социальные), причем с отчетливым пониманием, что "жизненные приключения" на надо искать (тем более на склоне лет), они сами тебя найдут, и надо только не отказываться от предлагаемых самой жизнью предметов и поводов для наблюдения, описания, анализа и рефлексии. Собственная жизнь, во всех ее связях и опосредованиях, как

включенное наблюдение, а лучше — наблюдающее участие.

6) *Мониторинг* современной общественной жизни ("бывали хуже времена, но не было подлей", впрочем, и интереснее не так уж много было). 2008-2009 годы так или иначе резюмировались в томах 2 и 3 книги "Профессия — социолог...". Вообще же, мониторинг реализовался через рассылки-обозрения для коллег и друзей, начиная с 2007 года по сей день.

Начиная с осени 2012 г. произошла своего рода институционализация этой деятельности, в форме так называемого краудсорсинга на информационно-аналитическом портале "Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада"¹¹. Это работа повседневная, состоящая в том, чтобы вывешивать на этом интернет-портале в среднем в день по три-четыре материала — не своих собственных, так других людей, не перво-, так ре-публикации, но всегда по своему вкусу отобранные и откомментированные.

Теперь мои ежемесячные рассылки приобрели вид хронологически упорядоченного архива и навигатора по portalу — для тех, кто не успевает следить за динамикой панорамы на нем регулярно.

Вот, пожалуй, я кратко осветил (перечислил) "опорные моменты" или направления деятельности социолога-волонтера. Они расставлены здесь не в порядке приоритетов, а, так сказать, хроно-тематически.

— Разрешу себе задать вопрос в весьма нетрадиционной (для меня) форме, но логичной для нашей переписки. На мой взгляд, ты абсолютно верно начал "новое летоисчисление" с увольнения из Социологического института РАН в 2008 году. Случившееся изменило твою жизнь и позволило последующим пяти годам стать "едва ли не самыми продуктивными" в твоей жизни. Уход из Института Вячеслава Бачинина и Якова Гилинского (у каждого из вас троих эта процедура была несколько различной) тоже оказался весьма полезным для их профессиональной — а это важнейший элемент нашей жизни — деятельности. В опубликованном несколько лет назад журнальном варианте моего интервью с Бачининым есть описанная им фабула увольнения, но нет того, что в полном тексте интервью названо им ее следствиями и плодами. Они были обозначены тремя тезисами: "Первый тезис имеет для меня вид обращения к Богу из всё той же молитвы Оптинских старцев: "Во всех непредвиденных обстоятельствах помощи помнишь, что всё ниспослано Тобою..." Второй: для христианина случайностей не бывает, в его лексиконе нет даже такого слова. Третий — это слова апостола Павла о том, что "любящим Господа всё содействует ко благу".

Ты обозначил опорные формы самореализации в прошедшие годы, а не мог бы ты поразмышлять о том, почему — в силу каких обстоятельств — увольнение из Института стало для тебя, пусть лишь в определенном смысле, благом? Ведь видны и другие варианты продолжения жизни: чтение газет и просмотр телевидения, "домино во дворе", просто ничего-не-делание...

— Из Социологического института РАН ушли не только я, Бачинин и Гилинский (перечисляю в порядке очередности). Кто сам захотел уйти, кого "попросили", кого уж нет на этом све-

³ См.: http://www.sau.kiev.ua/docs/magazine/2010_3_4.pdf

⁴ См.: http://7iskusstv.com/2013/Nomer9_10/Alekseev1.php

⁵ См.: <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>

⁶ См.: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_echo.html

⁷ См.: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/two_congresses_monitoring_11.pdf

⁸ См.: <http://www.memorial-nic.org/>

⁹ См.: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

¹⁰ См.: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/absezam-otvoris-bb>

¹¹ См.: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/ppss-andreya-alekseeva>

¹² См.: <http://www.cogita.ru/>

те. Просто увольнение названных тобою оказалось наиболее "громким" событием, стоившим Институту определенного репутационного урона.

По сравнению с теми временами, когда ты там работал (до 1994 г.), состав обновился едва ли не наполовину. Из расставшихся с Институтом я не знаю никого, кто бы об этом жалел. В "Профессии — социолог..." эта тенденция детально прослеживается. Бачинин дает религиозное истолкование совершившимся событиям. Я, как человек не религиозный (хоть и вовсе не анти-религиозный!), нахожу вполне "земное" объяснение.

Человек, в частности, в нашей науке страдает от *несвободы* (раньше — прежде всего идеологической, а теперь — по преимуществу экономической и социально-психологической). Покидая забюрократизированную систему, он избавляется от множества социальных пут и зависимостей, а поводов и *случаев* для такого освобождения — хоть Господь-бог, хоть естественные стечения обстоятельств предлагают ему великое множество. Так что человеку остается лишь делать выбор в *свою* пользу (кстати, вовсе не обязательно в пользу свободы).

Ладно, довольно умствовать (умничать?). Но из сказанного вытекает и ответ на твой вопрос: почему увольнение из Института оказалось благом. Помнишь название нашего первого интервью 2006 г.: "Рыба ищет где глубже, а человек — где не так мелко"¹³. Глядя издали на коллег — тех, кто еще там, слушая их рассказы или рассказы о них, думаешь, "Боже, на что они тратят жизнь (молодые) или остаток жизни (ровесники)!".. Чтобы заработать очередные баллы так называемой результативности научной деятельности — к очередной премии или аттестации?..

Я же — могу теперь себе позволить даже не вести списка научных публикаций. Я отчитываюсь только перед самим собой, ну и друзьями, может быть, еще — перед теми, кто придет на смену. Мне никого ни о чем не надо просить. Я могу исключительно дарить. Ради этого стоит пожертвовать и зарплатой (кстати, все равно нищенской).

Ну а "другие варианты продолжения жизни", вроде пассивного телесмотрения или "домино во дворе", конечно, тоже распространены. И они даже для кого-то благо. Поначалу. Но потом или человек находит себе пусть самое скромное, но дело, или подступает деградация. И тогда человек уже не живет, а "доживает".

— Воспользуюсь обозначенным тобою хроно-тематическим порядком сфер приложения твоих сил и потому начну с вопросов о твоих занятиях биографикой. Прежде всего, не мог бы ты наметить путь, который привел тебя к этой тематике: это произошло в результате некоего "скачка" или в результате естественного развития твоих научных интересов?

Пожалуйста, раскрой смысл слов "с претензией на междисциплинарный синтез"?

Ты не раз писал о месте биографического анализа в изучении истории российской социологии. Не мог бы ты просуммировать твое сегодняшнее видение этой проблематики. Думаю, здесь еще есть тема для обсуждения. Так, в защищенной в начале лета интересной докторской диссертации Елены Рождественской "Биография как социальный феномен и объект социологического анализа" (сужу по автореферату) биографический анализ как метод историко-наукovedческих (социология социологии) исследований вообще не рассматривался.

— Ну, если ты начнешь спрашивать последовательно, по моим пунктам (1-6), так, глядишь, и полный жизненный отчет получится.

— ...но ты знаешь, ничто меня так не "заводит", как стремление увидеть в жизни собеседника истоки его деятельности, на мой взгляд, в этом и есть одна из особен-

ностей историко-биографического исследования...

— Мои нынешние занятия биографикой, как водится, имеют свои предпосылки, истоки, стимулы и непосредственные поводы. Кажется, еще в пору самых первых моих подходов к исследованию образа жизни (в начале 70-х) пришли наблюдения, а потом и убеждение, что нынешнее состояние системы жизнедеятельности человека существенно зависит от ее прошлых состояний, а точнее — от интериоризованных воздействий предшествующего жизненного опыта.

Позднее я даже сформулировал ряд методологических принципов изучения образа жизни, среди которых был такой: принцип приоритета *динамического (исторического, генетического) подхода (к исследованиям образа жизни) перед структурно-функциональным* (см. главу 6 "Драматической социологии..."). Афористически это можно сформулировать так: человек есть его жизнь, или его биография.

Поначалу я еще как-то пытался уложить жизненную историю в более или менее формализованные вопросы интервью (или даже анкеты) или же в некие рамки схемы, модели жизнеописания, пока качественная, гуманистическая интенция во мне не поглотила сайентистскую, и не стало ясно, что оптимальным для меня (но вовсе не универсально!) является собственно биографическое исследование, на грани науки и словесности.

Немало тому способствовал и опыт "драматической социологии", где личность исследователя выступает и наблюдателем, и актором, и — в известном смысле — инструментом исследования.

Ну а непосредственным поводом теоретико-методологических штудий в области биографики явились — вовсе не научно стимулированные, хотя и профессионально выполненные — опыты написания семейных хроник — своей собственной и своих родственников. Это было уже где-то в конце 90-х гг.

Наша "Международная биографическая инициатива" (с ее "незримым колледжем") и ежегодные мемориальские Биографические чтения памяти В.В. Иофе¹⁴ продолжающиеся уже свыше 10 лет, явились мощным стимулом и трибуной для этих занятий, чему уже ты сам являешься непосредственным свидетелем.

Говоря о "претензии на междисциплинарный синтез" в своих занятиях биографикой я имел в виду, что менее всего при этом озабочен тем, в рамках какой научной отрасли это совершается. Биографические исследования осуществляются на стыке ("пересечении") истории, социологии, психологии, социальной психологии, антропологии, других гуманитарных дисциплин, а также сфер деятельности, к науке вовсе не относящихся (вплоть до художественной литературы).

В той мере, в какой биограф или биографист не осознает этих пересечений, его деятельность *синкретична* (причем синкретичность может быть поистине гениальной). В той мере, в коей это соединение (переплетение, взаимодополнение...) частично-научных подходов является *отрефлексируемым*, можно говорить если не о синтезе, то о движении в его сторону.

Биографический метод в историко-наукovedческих исследованиях столь же правомерен, мало того — необходим, как и другие сферы наукovedения, будь то его классические или не классические формы. (Кстати, сказать, биографический метод *de facto* активно используется и в искусствознании, и в религиоведении, и в истории техники, и в политической истории и т. д.).

Тут представляется уместным такое рассуждение: в той мере, в какой исторический процесс является продуктом жизнедеятельности людей (а чьей же еще!), он есть не что иное, как некий поток сменяющих друг друга поколений, в свою очередь составленных из множества индивидов, каждого со своей биографией. Так куда же деваться от биографического исследования

¹³ См.: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Alekseev.pdf>

¹⁴ См.: <http://www.memorial-nic.org/index.php/component/k2/item/258-project-.html#6&Itemid=424>

человеку, желающему постигать закономерности социального бытия и сознания, в статике и динамике того и другого?

Деваться от биографики некуда. Да она и давно насыщает собой все человеческое познание, только стихийно и синкретически. Задача в том, чтобы сделать ее применение осознанным и организованным.

— Похоже, что триггером проекта изучения жизни социологического сообщества стала цепочка событий, результатом которых твое увольнение из Социологического института РАН. Как получилось, что в твоей (более поздней?) терминологии кейс стал основой длительного исследования, завершившегося книгой "Профессия — социолог"? Что общего и отличного в методологии этого проекта "и "Драматической социологии...?"

Скорее всего проект "Профессия — социолог" — тоже междисциплинарный, но можно ли сказать, что прежде всего он относится к области социологии социологии?

Не фиксирует ли твой проект того, что указывало бы на перераспределение ролей поколений внутри социологического сообщества Питера и России, на возникновение каких-либо новых моделей функционирования профессионального сообщества?

— Нет, Борис, изучение жизни социологического сообщества: а) никогда не было для меня особым "проектом"; б) уж во всяком случае не лично-профессиональными событиями или обстоятельствами было спровоцировано. Просто, принадлежность к сообществу не может не побуждать к рефлексии и к действиям в отношении него, если тебе "не наплевать".

Очередной импульс к анализу положения дел в отечественной социологии, как социальном институте, был лично мною получен от того, что называлось событиями на соцфаке Московского университета 2006-2007 гг. ("студенческий бунт" против насаждаемого деканом В. Добренковым и иже с ним мракобесия в социологическом образовании). В 2007 г. академиками Г. Осиповым и В. Жуковым была проявлена, я бы сказал, злобная активность в плане попытки "консолидировать" отечественную социологию путем учреждения так называемого Союза социологов России (ССР), по существу, альтернативного легитимному (в том числе на международной арене) Российскому обществу социологов (РОС).

(Попытка, кстати, не первая и не последняя: до этого теми же персонами, включая Добренкова, создавалась еще РоСА — Российская социологическая ассоциация. А после — еще какие-то подобные организации, вплоть до совсем недавнего Общества социальных наук (о котором я узнал из твоего интервью с академиком Г. Осиповым).

В 2007 году мне довелось в этой связи быть инициатором Открытого письма 40 петербургских социологов коллегам-социологам России¹⁵, получившего известный общественный резонанс, прослеженный мною в статье "Виртуальное эхо..."¹⁶; первопубликация которой состоялась на сайте Санкт-Петербургской ассоциации социологов.

В этом же ряду событий и, соответственно, осуществлявшегося, в том числе и мною, мониторинга — история двух "четвертых" всероссийских социологических конгрессов, состоявшихся в 2012 году: один очередной, организованный РОС и проходивший в октябре в г. Уфе¹⁷, а другой — "внеочередной", организованный в феврале в Москве¹⁸ все теми же академиками Г. Осиповым и В. Жуковым на средства РАН, согласно специальному постановлению Президиума Академии наук.

(Ситуацию, сложившуюся в этой связи, без обиняков определил В. Ядов в своей статье "Скверная история"¹⁹, опубликованной в декабре 2011 года в газете "Троицкий вариант. Наука").

Все эти "вехи" жизни и истории российского социологического сообщества последнего времени, признаться, были интересны мне как предметы наблюдения и анализа не сами по себе, а как выражение *общих* тенденций движения нашего общества в сторону квазидемократии, псевдопатриотизма и интолерантности (иначе говоря — ксенофобии).

В частности, социальный институт социологической науки и образования, как и большинство других общественных институтов, все более приобретает имитационный характер, при котором о социальном *познании* говорить не приходится.

Но, повторяю, социологическое сообщество — это просто наиболее мне известная сфера, которую мне или таким, как я, можно изучать "изнутри", используя весь арсенал социологических методов, не исключая и включенного наблюдения, и наблюдающего участия. В этом смысле и книга "Профессия — социолог..." — это не столько книга о *социологах*, сколько книга социологов (кроме меня самого — моего главного соавтора Р. Ленчовского и множества других со-участников, со-беседников и со-авторов)

Социологичны, я думаю, здесь *взгляд, подход, метод*, а предметная область, эмпирический объект — к "социологической жизни" вовсе не сводятся, хотя бы главный кейс и разворачивался (по крайней мере, в первом томе) в стенах Социологического института. Отсюда, и на принадлежность этого проекта к "социологии социологии" я вовсе не претендую.

Кстати, "Профессия — социолог..." едва ли не прямое продолжение "Драматической социологии...", методология во всяком случае — та же. Что отражено и в подзаголовке: "Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только"

Что касается моделей функционирования профессионального сообщества, то они, конечно, обновляются, роли поколений внутри этого сообщества перераспределяются в пользу молодежи, которая, впрочем, по моим наблюдениям, куда "ученее" ветеранов, но и в меньшей степени гражданственно "озабочена". Карьерно-статусные проблемы (особенно связанные с зарубежными стажировками) выходят на передний план перед исследованием социальных проблем, как таковых.

Так что свои надежды я связываю не столько с научной молодежью в целом, сколько с той ее частью, которая все же тяготеет к социологии гражданской, не герметичной, ориентированной на *диалог* — не только с коллегами, но и с обществом, которое есть не только объект, но и субъект.

— Мне кажется, что два тома "из неопубликованного" по проекту "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия" не только заметно раздвинули хронологические рамки этого проекта и надстроили его методологию, но стали своеобразным "входом из прошлого" в твое и Романа Ленчовского исследование "Профессия — социолог". Можно ли так рассуждать? И еще такой вопрос: "Что же это за профессия — социолог?"

— Коль скоро наша беседа отчасти "на публику", надо пояснить не посвященным, о чем идет речь. Год назад, благодаря тебе, Ф. Шереги и Е. Григорьевой, мой 4-томник "Драматическая социология..." (2003-2005) появился в Сети на весьма "людном" перекрестке — на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга²⁰. А вместе с ним — и новый продукт, на бумаге уже не издававшийся, а только в качестве "электронного издания".

Это — том 1 произведения, обозначенного мною как "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав"²¹.

Такую акцию можно сравнить с выставкой из музейных запасников. Дело в том, что 10 лет назад, при издании своей "Дра-

¹⁵ См.: <http://polit.ru/article/2007/07/13/spas/>

¹⁶ См.: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_echo.html

¹⁷ См.: http://www.isras.ru/vsf_iv_okt_2012.html

¹⁸ См.: <http://all-russia-sc.ru/>

¹⁹ См.: <http://trv-science.ru/2011/12/06/skvernaya-istoriya/>

матической социологии...". Я вынужден был отказаться от использования там значительного количества материалов, входивших в первоначальную рукопись 1999-2001 гг., которая сама по себе, ввиду ее циклопических размеров, была совершенно неподъемна для печатного издания.

Но это было еще чуть ли не в прошлом веке, когда об электронных изданиях еще и не заикались. Тогда можно было сказать "Все, что не издано, хотя бы малым тиражом препринта, есть частное дело автора". Теперь же в ходу поговорка: "То, чего нет в интернете, хотя бы и было издано на бумаге, как бы не существует".

"Безразмерная" Сеть может вместить все, что автору не стыдно вывесить. Вот и я взялся пустить свои "отвалы" во вторичную переработку. Причем сделал это довольно оригинальным образом: я отнесся к ним как к документам Личности и Времени и позволил себе их только перетасовывать, но не "дорабатывать" и редактировать.

Итогом оказался этот цикл (теперь принято говорить — "проект"): "...из неопубликованных глав". Буквально на днях я завершил работу еще над двумя томами: 2/1 и 2/2, — и они тоже вывешены по тому же адресу на сайте ЦСПИМ. Параллельно я разослал их тем коллегам, кто ранее имел возможность ознакомиться с томом 1. Сопроводив эту рассылку комментарием в виде фрагмента из личной переписки. Приведу его здесь:

<...> 1) «Если "Драматическая социология..." — материнский ствол, то наша с тобой "Профессия — социолог..." (письмо адресовалось моему соавтору Р. Ленчовскому. — А.А.) и вот эти "Неопубликованные главы..." — две "дочерние" ветви, переплетающиеся в кронах. Так уж получилось, что каждая из трех — тетралогия.

2) Отглавление, композиция, — лицо и суть всякого произведения, своего рода автопрезентация, зачастую имеющая самостоятельное значение и смысл.

3) Как нам с тобой объяснил В. Бачинин (в своей рецензии на "Профессию — социолог..."), это некий доморощенный, "стихийный" постмодернизм, кстати, как парадигма отображения вполне соответствующий современной реальности. Но при этом каждый "фрактальчик" — вполне классичен, традиционен, сколь бы ни было экзотично целое.

4) Отважусь еще на одно нескромное сопоставление — с архитектурой Антонио Гауди, прославившей Барселону.

5) Всякое мало-мальски творческое дело стоит делать вот именно — как Бог положит на душу, но и проходя по лезвию бритвы между Скукой и Безумием.

6) "Драматическая социология", похоже, и впрямь довольно амбициозная особа, претендующая на некую философичность, в меру своей эмпиричности. В конце концов, вся философия есть осознание человеком себя в Мире и Мира в самом себе.

7) При всем уважении ко всякому чужому мнению остается незабываемой истина: "Ты сам свой высший суд". Этот суд должен быть всегда хоть сколько-нибудь самоироничен. <...>".

Я не думаю, что это некий "переход" или "выход" из прошлого в современные сюжеты нашего с Р. Ленчовским 4-томника "Профессия — социолог..." (2010). Во-первых, эти тома сделаны (имея в виду не составные части, а целое) именно сегодня (т.е. после названной книги). А во-вторых, я там к "делам давно минувших дней" начал добавлять современные резонансы и контрапункты.

Так, в последних двух томах можно встретить тексты совсем "свежие" (например, хорошо известную тебе "Дискуссию через океан"²²). А заключительный том 3, за который я сейчас предполагаю приняться, так и вообще будет состоять исключительно из таких "глав" "Драматической социологии...", которые к мо-

менту ее издания еще не были и не могли быть написаны.

Вопрос "Что же это за профессия — социолог?" к одному из авторов книги под похожим названием, по-видимому, предполагает не пересказ ее содержания, а некий "остроумный" лаконичный ответ. Для меня социолог — не автор диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора социологических наук, а носитель *социологического воображения* (по Ч. Р. Миллсу), человек, который способен усмотреть или представить ("вообразить!") скрытые "пружины" социального механизма или "физиологию" социального организма (это — точнее). Или — еще точнее — естественно складывающиеся "правила", по которым совершается функционирование и развитие социальной реальности (как материальной, так и идеальной).

Впрочем, это скорее определение не профессии, но призвания (по М. Веберу). Устроит ли тебя такой ответ?

— **Забавно, если бы ты не закончил свой ответ этим вопросом, я не вспомнил бы мое интервью с Леонидом Иониным и один из его ответов, о котором я тогда думал. Приведу и мой вопрос Ионину, и фрагмент его ответа, непосредственно связанный с содержанием твоих рассуждений:**

— *Не приходилось ли тебе посещать семинар Ю.А. Левады? Если да, что ты мог бы сказать об этом форуме?*

— *Посещать не приходилось, хотя я многих из участников знал, да и вообще все это происходило рядом, буквально в соседней комнате. Но дело в том, что это было психологически затруднительно. Они были надменные, гордые собой, приобщенные к мудрости, так сказать, и свысока поглядывали на профанную публику вокруг. Мне такая позиция никогда не нравилась. Да и вообще наука — не подходящее место для эзотерических кружков. Я поясню: эзотерических не в том смысле, что они были закрытыми и чужие не допускались (допускались: приходите, кто угодно!), но в том смысле, что надо было принять какую-то особую установку благоговения по отношению к руководителю семинара и провозглашаемому им, в общем-то, как это позднее стало видно, достаточно вторичному знанию. Поэтому я и не ходил. Наука — это все-таки профессия, а не служение.*

— **Так вот, по твоему мнению, в какой мере (если) наука — это профессия и в какой мере — служение.**

Признаться, я не понял, к чему ты сейчас припомнил ответ Л. Ионины насчет левадовских семинаров. Похоже, Л. И. ассоциирует СЛУЖЕНИЕ с неким "священнодействием" ("круг посвященных" и т. п.). У меня примерно такое же впечатление осталось от разового посещения семинара Г. Щедровицкого — то ли в конце 60-х, то ли в начале 70-х. (Кстати, заочно это методологическое направление тогда оказало значительное влияние на мое формирование как социолога.)

Но по мне — служение вовсе не требует ритуализации. Это скорее ценностная мотивация деятельности, и таковая возможна — в компании и в одиночку, в профессии и вне ее. Я бы не искал соотношения между "профессией" и "служением" в социологии. Это как бы разные измерения или разные плоскости. Конечно, хорошо, когда то и другое подкрепляют друг друга.

— **Вторым направлением приложения сил в твоей новой свободной профессиональной деятельности ты назвал "наблюдающее участие" в жизни российского социологического сообщества. Уже довольно много времени прошло после "двух социологических конгрессов". Какие изменения в наблюдаемой тобой сфере происходят, произошли?**

— Будем считать, что про идейные размежевания в социологическом сообществе, резюмировавшиеся аж в двух "Четвертых" всероссийских социологических конгрессах в 2012 году,

²⁰ См.: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

²¹ См.: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

²² См.: http://www.berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer11_12/Alekseev1.php

мы уже поговорили. С тех пор произошло не то чтобы примирение, а своего рода конвергенция социально-критического и социально-аполитического "лагерей". Начать с того, что некоторые заметные фигуры оказались представлены в руководящих органах того и другого конгрессов. Ряду наших коллег, которых вот так (без их согласия) записали себе в "сообщники" организаторы внеочередного, Московского конгресса, пришлось заявлять о своей непричастности к этому и настаивать на исключении их из списков руководителей секций и т. п.

Впрочем, некоторых коллег такая "амбивалентность" как раз вполне устроила. А определенная часть профессиональных социологов уже давно демонстрирует свою индифферентность (неразборчивость?) и приятие как гражданской, так и сервильной социологии (да! сервильная социология в России — это теперь уже не только советский феномен). Они-де (эти социологи) не желают разбираться в противоречиях "просвещенной" и "мракобесной" тенденций в социальном институте социологии; они — адепты "объективности", "беспристрастности", "научности" (тоже — форма "служения", кстати сказать).

Так вот, именно эта — отчасти снобистская, отчасти всеядная — позиция в последнее время стала как будто распространяться. Причем тяготение в сторону этой позиции имеет различные мотивы у разных сторон. Одним желательно приобщиться к символическому капиталу своих оппонентов, а другим — к административному ресурсу первых. В этой схематизации я, понятно, упрощаю и отвлекаюсь от многих подробностей личных и деловых внутрипрофессиональных взаимоотношений.

Еще, что можно отметить среди примет последнего времени, — это повышенная, порой утрированная самоидентификация и своего рода нагнетание корпоративизма. Социологи (впрочем, только ли они?) все чаще говорят о своей роли в деле служения — хоть власти, хоть обществу (нередко это путают). Я бы сказал, растет озабоченность собственным имиджем. Получается, что не так важно *быть*, как *казаться*.

Известную неудачу в предсказании результатов выборов московского мэра в сентябре этого года (чуть ли на 10 пунктов ошиблись с прогнозом явки, соответственно — с распределением голосов между Собяниным и Навальным; это при том, что обычно электоральные результаты довольно точно "угадывались"), так вот, эту неудачу — общественность, а отчасти и сами авторы прогноза восприняли как скандал, так что даже стали говорить — кто с огорчением, кто со злорадством — о "фисаско" социологов-полстеров. Мне тогда довелось заметить по этому поводу:

"...Парадоксально, но весь этот журналистский и политтехнологический "наезд" на социологию (вообще-то на полстерство, но кто там станет разбираться в нюансах!), отчасти спровоцированный и жесткой самокритикой ФОМа, — на пользу самому профессиональному социолого-полстерскому сообществу. Которое в итоге имеет шанс стать а) более открытым, б) менее заносчивым, в) более методологически и методически ответственным". (См. "Социология и политика. Переписка А. Алексеева и А. Ослона. Продолжение разговора"²³).

Ну, понятно, полученный шанс не означает его полноценного использования. Совсем недавно статья политолога и публициста, обозревателя "Новой газеты" К. Рогова "Фикция "дремучего обывателя"²⁴, где выдвинута гипотеза о систематическом искажении (смещении в сторону "оглупления") картины общественных настроений и мнений в современных массовых опросах, вызвала яростную дискуссию. В которой, на мой взгляд, со

стороны "обиженных" социологов, были заведомо превышены пределы необходимой обороны (См. И. Задорин. "Фикция "дремучего обозревателя"²⁵).

Я привел лишь один пример из множества проблем, возникающих при попытках ответа нашей социологии на вызовы современности. Но вызовы бывают всякие. Бывают и "вызовы-заказы".

14 ноября прошлого года отмечался День социолога. И вот в этот день в Москве состоялась презентация проекта "Россия удивляет"²⁶, осуществляемого рядом крупнейших опросных фирм и направленного на... формирование позитивного образа России в глазах общественного мнения. Ты, пожалуй, усомнишься, но воспользуюсь цитатами.

Проект направлен на то, "чтобы с помощью фактов улучшить мнение (! — А. А.) граждан о самих себе, стране и происходящих в ней процессах". Мол, "восприятие сегодняшних реалий как у власти, так и у общества сильно перекошено в негатив...". Необходимо "постоянное расширение индикаторов, которые будут свидетельствовать о том, что Россия удивляет (*своими достижениями.* — А. А.)". (См. об этом подробнее: "Социологи в роли имиджмейкеров. День социолога"²⁷).

...До сих пор социологи имиджмейкерством не занимались, а если и занимались, то стеснялись в том признаться. Теперь уже некоторые из них (в том числе такие, от кого не ожидал) заявляют об этом "во весь голос".

Может показаться удивительным, что этот скандальный, в сущности, эпизод преобразования социологии в пропаганду не вызвал никакого (хоть профессионального, хоть гражданского) протеста в социологическом сообществе, зато такое возмущение вызвали критические соображения социального аналитика относительно вероятной (неплохо бы проверить методическими экспериментами!) систематической ошибки в материалах социологических опросов.

— Чем, на твой взгляд, обернется для российской социологии затеянное правительством и некоторыми академиком преобразование Российской академии наук?

— А каких академиков ты имеешь в виду? По-моему, это тот случай, когда власть вытерла ноги об Академию наук и ее сотрудников, включая академиков, независимо от готовности столпов науки этому сопротивляться или, напротив, отдалась на произвол судьбы. Но я не знаю ни одного академика, который был бы среди инициаторов этой "реформы" или хотя бы при-ветствовал ее.

Для российской социологии указанное преобразование (чтобы не сказать — ликвидация) РАН тоже будет иметь деструктивные последствия, но чуть меньшие, хотя бы потому, что "академическая социология" уже давно и без всяких реорганизаций и переподчинений уступает в авторитете и символическом капитале иным, не академическим научным учреждениям. В качестве примера достаточно привести петербургский Социологический институт РАН²⁸, ассоциированным членом которого ты являешься.

— Я помню, еще в годы работы в ИСЭП АН СССР ты начал собирать то, что тогда называлось "независимой прессой". Именно эта коллекция послужила началом "Алексеевского архива"? Что он собой представляет сегодня?

— Нет, работая в ИСЭПе (т. е. во второй половине 1970-х гг.) я сбором "независимой прессы" не занимался, уже хотя бы потому, что пресса была тогда только "партийно-советская" (диссидентский самиздат — не в счет; а если бы я собирал его, то 80-

²³ См.: <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/sociologiya-i-politika.-perepiska-a.-alekseeva-i-a.-oslona.-prodolzhenie-razgovora>

²⁴ См.: <http://www.novayagazeta.ru/columns/61233.html>

²⁵ См.: <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/sociologov-polsterov-kazhetsya-obideli.>

²⁶ См.: <http://russia-review.ru/>

²⁷ См.: <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/novosti-sociologii/sociologi-v-rol-i-imidzhmeikerov-den-sociologa>

е гг. провел бы скорее не на заводе, а в заключении). Вот с началом перестройки (примерно с 1989 года; я тогда работал в Ленинградском филиале Института социологии АН СССР), я действительно затеял собирать "Архив-коллекцию нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений", который к середине 90-х гг. стал едва ли не самым крупным таким собранием в стране.

Когда я несколько лет назад предпринял составление электронного каталога этой коллекции (в дополнение к ручному каталогу), то оказалось, что только периодические издания в ней исчислялись примерно 10 тысячами названий (в большинстве своем — новых изданий, возникших уже после 1986 г.²⁹). Из них свыше одной тысячи названий составлял "периодический самиздат" (его называют также и "независимой прессой", и "альтернативной прессой"), распространявшийся в годы перестройки и после уже открыто.

Территориально этот архив дислоцировался в помещении Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. В течение 90-х гг. "Алексеевский архив" (это название возникло чуть позже) был открыт для специалистов в области социологии, истории, политологии, культурологии, да и для гражданских активистов, являвшихся, кстати сказать, главным источником пополнения его фондов.

Ко времени возникновения Социологического института РАН (рубеж 90-х — 2000-х гг.) произошел "наезд" со стороны пожарников и пришлось общественный научно-информационный центр, каким был этот архив, закрыть, а материалы коллекции законсервировать. Несколько лет длились поиски подходящего для фондов "Алексеевского архива" помещения, для чего даже была создана соответствующая некоммерческая организация, получившая грант Фонда Форда (тогда еще не было речи об "иностранных агентах").

Кончилось дело тем, что я, как главный держатель (собственник?) архива-коллекции, подарил все это богатство в хорошие руки, а именно НИЦ (Научно-информационный центр) "Мемориал", который сумел приобрести для этого архива подходящее помещение, вот только для расконсервации фондов и обеспечения возможности работы в архиве (с архивом) пока не хватает ресурсов.

Зато решена важнейшая задача — обеспечение сохранности этих материалов. А сколько таких самостоятельных собраний ценнейших артефактов времени (коллекций документов, независимых библиотек и т. п.) растворились, погибли, ушли в макулатуру! Так что "Алексеевскому архиву"³⁰, можно сказать, повезло.

— **К какому из направлений (или сфер приложения сил) своей деятельности ты относишь онлайнный "продукт", названный "В поисках Адресата"³¹? Какое место в логическом, методологическом отношении занимает эта работа в ряду книг "Драматическая социология..." и "Профессия — социолог..."?**

— Я рад, что ты вспомнил эту работу. Уже по одному тому, что она наша совместная, мы оба — на титуле. В сущности, это наша с тобой эпистолярная хроника за 2006 год (когда ты, кстати сказать, брал у меня первое биографическое интервью). Я тогда еще не имел своей электронной почты и мы обменивались письмами через посредников (Леонида Кесельмана, Аллу Родионову).

Переписка затрагивала широкий круг тем и сюжетов — не только биографическое интервью. "По ходу дела" в рамках этой переписки мне довелось изготавить пару статей-эссе, которые впоследствии публиковались и по отдельности. Переписка — вообще самый свободный из жанров, в котором сочетаются

(синтезируются?) творчество, познание и общение, а человек выступает во всем многообразии своих жизненных сил, интересов и проявлений.

С развитием интернета, точнее сказать — с моим овладением этой технологией коммуникации, именно переписка по электронной почте (в отличие, кстати, от так называемых социальных сетей и блогов) стала ГЛАВНЫМ моим жизненным занятием. Та наша переписка 2006 г. оказалась опробованием, испытанием данного "способа существования" (в том числе и профессионального).

Уже в "Драматической социологии...", вышедшей в свет незадолго до этого, письма автора своим друзьям и коллегам занимали весомое место. А в "Профессии — социолог..." они, пожалуй, превалировали в составе книги. Причем не письма-монологи, а именно **эпистолярный диалог**. Наш с тобой диалог, отображенный в "В поисках Адресата", строился естественным образом, но, по счастью, достаточно рано был осознан, по крайней мере мною, как своего рода научно-литературный продукт. Так что "слепить" эту композицию (подчеркну: никак не редактируя первичные тексты!) впоследствии не составило большого труда.

Кстати, мы обнародовали эту нашу "научную переписку" уже шесть лет спустя, дав материалу "отлежаться".

— **Если рассмотреть совокупно "Драматическую социологию...", "Профессию — социолог", "В поисках адресата", то каким термином ты обозначил бы весь этот, скажем так, "мегапроект"? Для меня очевидно, что он далек от завершения, он впитывает очень много... а как ты думаешь, когда он начался, точнее, в чем его истоки? Его предметную специфику назвать очень сложно: это социология труда и образа жизни, социология семьи и культуры, социология науки и профессиональных межличностных отношений... не проще очертить и объектное многообразие твоего исследования. Итак, слово тебе...**

— Не помню, говорил ли в интервью 2006 года, что на определенном этапе профессионального (да и жизненного) созревания, где-то в середине 70-х, сложилось — поначалу смутное — осознание собственной жизни как своего рода объекта включенного наблюдения (в какой-то из статей я именно так и заявил, а отчасти реализовал — в 3-летнем опыте жизненного автохронометража, о чем, если спросишь, могу рассказать подробнее).

По времени это совпало с персональным дрейфом от "количественной" к "качественной" социологии, точнее сказать — к практике использования качественных методов исследования.

Моей инновацией было то, что впоследствии получило название НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТИЯ — хоть в социальных процессах, хоть в собственной жизни (скажем так: в процессах и ситуациях, в которые ты самой жизнью погружен). Суть этого метода (исследования? жизни?) я неоднократно объяснял, как **познание действием**, или исследование реальности, среди прочего, через последствия своих действий в ней.

Сам субъект исследования отказывается от минимизации "возмущающего" воздействия на изучаемую среду и превращает собственную жизнедеятельность в фактор и своего рода инструмент исследования.

(В современном социологическом дискурсе распространена формула: "акционистские и партисипаторные методы". Это, в общем, из той же оперы).

Тут, наверное, следует подчеркнуть когнитивную (познавательную) составляющую и / или интенцию практической деятельности. Все мы участники собственной жизни, но не каждый наблюдает, фиксирует и рефлексивует это участие, да еще — "в

²⁸ См.: <http://www.si.ras.ru/>

²⁹ См.: <http://old.memorial-nic.org/catalog.html>

³⁰ См.: <http://old.memorial-nic.org/alekseev.html>

³¹ См.: http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf

социологических целях".

Питерский социолог, профессор СПбГУ Владимир Ильин нашел для этого удачную формулу: "социология как образ жизни". Мы с ним "исповедем" в общем одну методологию. Кстати, сказать, моя *драматическая социология* не потому "драматическая", что драматична, а потому, что оказывается органической частью и вместе с тем отображением жизненной — бери шире — социальной драмы, на каком бы уровне общности ее ни рассматривать.

С позиций сказанного, "мегапроект" драматической социологии в известном смысле совпадает с жизненным "мегапроектом", каковой реализуется, осознанно или стихийно, практически всяким человеком, вопрос — ради чего? Ради самоутверждения, ради близких, из гражданских побуждений... Среди прочего, может быть и познавательная цель.

Понятно, что жизненные мотивы множественны и переплетены друг с другом. В иерархии мотивов приоритетным может оказаться и социальное познание, имеющее своим "архетипом" инстинкт любознательности. Очень, кстати сказать, человеческое качество, хотя и не только человеческое.

Когда начался такой проект? Ну, в качестве профессионального (или, может, прото-профессионального) он начался в середине 70-х, когда волею обстоятельств я оказался в совершенно не органичной для себя роли секретаря партбюро Института социально-экономических проблем. Как уж я там с этой ролью справлялся — отдельная тема, но "побочным" продуктом данной деятельности оказалась папка документов.

Эти документы (в основном собственного изготовления, от протоколов заседаний партбюро до объемной статьи об истории становления ИСЭП, написанной для стенгазеты) как-то сами собой стали складываться то ли в хронике, то ли в драму, скажем так — в драматическую хронику или институциональную драму. Осталось потом только составить список действующих лиц и озаглавить акты и "сцены", да иногда сопроводить их "ремарками".

Впоследствии образовалась привычка — складывать документы в папки в некоем хрономатематическом порядке, так чтобы легко было, при надобности, найти, но и чтобы некий сюжет образовался, интрига прослеживалась. Документы могли быть официальные, могли быть и личные; это был архив, но организованный как для внутреннего пользования, так и — отчасти — для восприятия другими людьми. Здесь опускаю "технологические" детали.

Более или менее осознанной стала эта практика с началом "эксперимента социолога-рабочего" (1980), когда мало-мальски упорядоченный архив стал складываться в хроники и "циклы", которые много лет спустя улеглись в хорошо известную тебе "Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию". Тут и "Письма Любимым женщинам"³² и "Выход из мертвой зоны", и "Театр жизни на заводских подмостках" (это последнее название впоследствии придумала замечательная журналистка, в 80-х годах работавшая в новосибирском журнале "ЭКО", Нина Максимова).

Когда в сентябре 1983 года ко мне домой явились чекисты с обыском, я быстро сообразил, что это — пролог новой документальной хроники. Сейчас не под руками у меня возникшая тогда папка, а название у нее было многосоставное, из которого сейчас помню только подзаголовок: "Игры сталкера".

Обычно я старался комплектовать архив не в единственном экземпляре, выполняя при этом значительный объем машинописных работ, и раздавал друзьям (может, у кого и сохранилось...). Помню, в первый раз я воспользовался ксероксом уже в 1989 году, в нашем институте на Серпуховской. Кста-

ти, это были копии страничек из дневника 60-х гг. и вырезок из ленинградских газет (мои собственные журналистские опусы того же времени). Называлась эта папка — "Дурной шестидесятник".

Иногда такие папки или даже переплетенные тома (собрания документов) формировались из отчетов и статей разных лет, вроде "Образа жизни и жизненного процесса" или "Театрального репертуара в движении".

Теперь, особенно с развитием интернета, я все чаще не только перевожу имеющиеся архивы в электронный вид, но и текущие кейсы немедленно отображаю в Сети, в том числе — в электронных СМИ. То есть делаю их достоянием гласности (что само по себе оказывается фактором развития рассматриваемой ситуации). Так было с "делом" Егора Новиковского — "Наш заурядный / незаурядный случай"³³ на портале "Когита.ру" и с "делом" ветерана Великой Отечественной войны О.Г. Желябужским — "Деревенская история"³⁴ (там же).

Ну вот, я постарался очертить и методологию, и отчасти даже технологию того, что ты назвал "мегапроектом". Что же было все-таки основным его содержанием, темой, ведущим мотивом? При всем, отмеченном тобою, разнообразии его предметной специфики, я бы определил главную тему как **"Человек и социальные институты"**.

Пожалуй, приведу здесь свою полупугливую миниатюру, которой завершается том 2/2 "Из неопубликованных глав "Драматической социологии..."³⁵.

ЭВРИСТИЧНЫЙ СОН

Как известно, Менделеев впервые увидел свою периодическую таблицу элементов во сне. Это стало предметом специальных исследований в области психологии научного творчества. Лично я сразу забываю сны. Но сегодня два реальных, относительно недавних события причудливо совместились во сне и возник своего рода эвристичный результат, который я запомнил и даже смог реконструировать логику его обретения.

Реальные события такие.

Один мой коллега и друг, вздумал посоветоваться со мной о выборе темы своей научной работы на ближайшие годы, которую он, хотя бы в силу своего возраста и положения, волен сам себе определять и формулировать. А другой мой друг, он же — наставник, последнее время стал советоваться со мной, правда, не по собственно научным, а, скажем так, по научно-гражданственным вопросам, связанным с положением дел в нашем профессиональном сообществе.

И вот во сне мне причудилось что второй задал мне вопрос, который интересовал первого. И я — во сне же — стал решать задачу на оптимизацию.

Я счел, что Наставнику эта тема не должна быть совершенно внове, чтобы можно было использовать прежние заделы. Далее, я забраковал возможность как сугубо теоретического, так и эмпирического исследовательского проекта, понимая, что и тот, и другой могут оказаться слишком долгосрочными. Я решил рекомендовать ему методологическую тему, которая, как мне кажется, всегда мозаична и бесконечна. И еще — во сне мне показалось, что и я сам в эту тему должен быть как-то включен, чтобы Наставнику было кого наставлять. А стало быть — и мне она должна быть близка.

В итоге, я предложил своему другу и наставнику — во сне! — такую тему: **"Методология изучения взаимоотношений личности и общества"**. И вполне удовлетворенный этим результатом, поспешил проснуться.

Я заверяю, что этот скромный / нескромный результат получен именно во сне. Сон — бесфабульный (или я фабулу за-

³² См. <http://7iskusstv.com/2013/Nomer8/Alekseev1.php>

³³ См. <http://www.cogita.ru/cases/delo-egora-novikovskogo/final-dela-egora-novikovskogo>

³⁴ См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/derevenskaya-istoriya.-chast-18-semeinaya-hronika-o.g.-zhelyabuzhskogo>

³⁵ См. <http://www.socioprognost.ru/publ.html?id=216>

был). Так сказать, "приключение духа".

Между тем, не так уж я оказался и оригинален — в общем-то во сне "перепел" самого себя наяву. В предисловии к "Драматической социологии и социологической ауторефлексии" (2003; т. 1 с. 11), как оказалось, можно прочитать:

"В итоге сложился комплексный предмет исследования, который можно определить как "взаимодействие личности и общества; человек в системе реальных общественных отношений".

Понятна вся неисчерпаемость такой предметной области. Однако, в меру своих сил, автор постарался осветить эту область средствами "экспериментальной социологии" (наш термин 80-х гг., впоследствии смененный на "драматическую социологию").

А теперь — вопрос друзьям и коллегам. Отгадайте, кто именно мне приснился?

Андрей Алексеев. 5.02.2012.

<...>

— Я не помню, обсуждали ли мы с тобой тему социологических школ, в частности — такого образования, как "ленинградская социологическая школа". Если ты считаешь, что понятием "ленинградская социологическая школа" обозначается нечто реально существующее или существовавшее, то в чем "ядро", отличительные признаки этой исследовательской культуры?

— При всей распространенности этой формулы, я бы предостерег от определения или обозначения научных школ по региональному признаку. Это возможно, когда в данном городе (регионе) есть или был один общепризнанный первопроходец или лидер (ну, скажем, Л. Коган — в Свердловске, З. Файнбург — в Перми, Ю. Вооглайд — в Эстонии) или когда группа ученых работает в тесной спайке, характеризуется тематической и методологической общностью.

Не случайно не говорят о "московской" научной школе. А "ленинградская", это кто — ученики И. Кона, А. Харчева, В. Ядова, А. Здравомыслова, О. Шкаратана, С. Кугеля? До чего же они все разные — и учителя, и ученики, и ученики учеников! Это еще при том, что заочное влияние может быть не менее значимым, чем непосредственное сотрудничество. Для меня, например, двухгодичные "мои университеты" (1969-1970) в Новосибирском академгородке (где я практически "разминулся" с В. Шубкиным и В. Шляпентохом: тот и другой в 1969-м переехали в Москву; а Т. Заславская и Р. Рывкина работали в другом институте) были не менее значимы, чем работа в командах ленинградских "отцов-основателей". А книга москвича Б. Грушина "Мнения о мире и мир мнений" (практически при отсутствии личных контактов с ее автором) сыграла едва ли не решающую роль на начальном этапе профессионального становления ленинградца А. Алексеева.

Так что я воздержусь от ответа на этот твой вопрос, хотя и не настаиваю на том, что, скажем, "ленинградская" или "новосибирская" социологические школы — это мифы.

— Я сам знаю, насколько сложно отвечать на вопрос о планах в работе, и все же, ты предполагаешь продолжить "Профессию — социолог" или нечто, в созданной и отработанной тобою стилистике?

— Ну, Боря, на пороге 80-летия, не стоит говорить о слишком дальних планах. Хотелось бы довести до электронных изданий две книжки: "Корни и ветви (В помощь пишущим о пред-

ках и о себе самом / самой: "эстафета памяти" и дюжина примеров семейной хроники)" и "Куда идут дела в стране? (по материалам опросов Левада-центра, и не только)". Обе сейчас в процессе авторского макетирования.

Все остальное, уже готовое и "текущее", должно вестись в следующий том "Из неопубликованных глав "Драматической социологии...". Как и предыдущие тома, это будут электронные издания.

Стоит заметить, что, в частности, благодаря интернету (см. об этом выше) практически нет проблем с "внедрением" своих научно-литературных продуктов в публичную сферу. Лично для меня — это и питерский "Телескоп"³⁶, и "Международная биографическая инициатива"³⁷, и сайт Центра социального прогнозирования и маркетинга³⁸, и журнал Евгения Берковича "Семь искусств"³⁹ (где даже специальная рубрика возникла — "Драматическая социология")⁴⁰ и, наконец, тот же портал Когита.ру⁴¹, с его "Блогом Андрея Алексеева"⁴². Иногда дата постановки последней точки и дата обнародования — буквально совпадают.

— ...Андрей, наше интервью было закончено в середине января этого года, но сейчас, перед его публикацией, мне хотелось бы задать тебе два "юбилейных" вопроса. Совсем скоро твой собственный юбилей — 80 лет. С какими мыслями и чувствами ты воспринимаешь прожитые годы?

— Я бы предпочел эту дату не заметить. Юбилей — всегда напоминание, что осталось меньше, чем пройдено. Небось, 40-летие юбилеем не называют. Прожитыми годами не горжусь, но вроде и не стыжусь их. Вторая половина жизни была, кажется, интереснее первой. И во всяком случае продуктивнее. Хотя без первой, наверно, и второй не было бы. К социологии я обратилсь лет этак в 30-35. Второй "социологический призыв" — поколение не намного моложе первого, успевшее еще до социологии поработать в других профессиях. Ну, чего я буду тебе твою же "лестницу поколений" пересказывать...

Признаться, при всей ограниченности собственного кругозора в молодости, при всех ошибках, которых не удалось избежать, я не могу указать периода жизни, который был бы "потерянным временем". Всякий, даже негативный, опыт пригодился, иногда — десятилетия спустя. И нелепая и смешная комсомольская активность 50-х, и работа в ленинградских газетах 60-х, и первое "хождение в рабочие" (за 20 лет до "эксперимента социолога-рабочего" 80-х гг.)...

Теперь все это стало для меня не только жизненным опытом, но и предметом социологической ауторефлексии. Как я уже говорил, собственная жизнь, как кейс, вполне может стать предметом социологического исследования — как текущего, так и ретроспективного.

Вот такие "предъюбилейные" мысли.

— Этот год богат юбилеями наших коллег: 90 лет вскоре отметит С.А. Кутель, 85 лет недавно исполнилось В.А. Ядову и Б.М.Фирсову, немного опередили тебя в достижении 80 лет — Я.И. Гилинский и Б.И. Максимов. Мы знаем их десятилетиями, что бы ты мог сказать о них в целом и о каждом в отдельности?

— Ты назвал имена не только уважаемых мною, но и глубоко симпатичных и близких мне людей. Так уж случилось, что и для них этот год "юбилейный". Я бы добавил к списку юбиляров года еще и покойного Б.А. Грушина, 85-летие со дня рождения которого мы недавно отмечали. Для пояснения своего отношения к каждому из них воспользуюсь аналогией с родственными

³⁶ См: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/>

³⁷ См. <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>

³⁸ См. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

³⁹ См. <http://7iskusstv.com/index.php>

⁴⁰ См. <http://7iskusstv.com/index.php>

⁴¹ См. <http://www.cogita.ru/>

⁴² См. <http://www.cogita.ru/a.n-alekseev>

отношениями.

Владимир Ядов — "родитель", хоть и всего на пять лет старше меня. Без социолога Ядова вряд ли бы образовался социолог Алексей, в его нынешнем качестве. Притом, что его научное руководство моей кандидатской диссертацией было скорее номинальным, во всяком случае — дистанционным. Я ведь начинал свои занятия социологией еще будучи аспирантом факультета журналистики. Уже гораздо позже и относительно недолго мне довелось поработать в ядовском коллективе, к 1980-м годам изрядно обновившемся.

Борис Грушин — "дядюшка", причем, думаю, он сначала и не знал о существовании такого "племянника". Его "Мнения о мире и мир мнений" (1967), как мне уже приходилось говорить, были едва ли не первой моей социологической "азбукой". Моя попытка построения марксистской теории массовой коммуникации (социологический дебют!) концептуально преемственна скорее грушинскому "субъекту общественного мнения", чем ядовскому "Человеку и его работе" или "саморегуляции личности".

Еще более старшим "дядюшкой" является Самуил Кутель. Я ведь чуть не стал членом его команды в конце 60-х. Меня от этого удержала, только необходимость смены профессиональных интересов: социологии прессы на социологию науки.

Борис Фирсов — "старший брат", хоть в социологию мы пришли почти одновременно. И на протяжении десятилетий всегда активно сотрудничали, будь то социология средств массовой информации, социология театра или другие профессиональные сюжеты. Кстати, моя собственная комсомольская и партийная "карьер" 50-х — 70-х гг. была как бы ослабленной копией его.

Яков Гилянский — брат "двоюродный". Мы познакомились относительно поздно (уже в годы перестройки). Его профессиональные интересы (преступность, негативные девиации) мне не близки, хотя, особенно в последнее время Яков проявляет себя не просто как девиантолог, а как социальный мыслитель. В отличие от его исторического пессимизма, я — исторический оптимист. Но это различие никак не противоречит нашему "родству".

Наконец, Борис Максимов. Здесь хотелось бы высказаться подробнее. Юбилей Бориса — 27 марта — в этом году, к сожалению, прошел практически незамеченным коллегами. Надо сказать, что сам Борис, с его чуть ли не гипертрофированной скромностью, этому поспособствовал.

Я считаю Бориса — одним из самых ярких и глубоких социологов своего поколения. Человека, который бы лучше знал предмет своих изысканий изнутри, я затрудняюсь назвать. Его книга "Рабочие в реформируемой России (1990-е — начало 2000-х годов)", вышедшая в издательстве "Наука" в 2004 году, — произведение, к которому и через десятилетия будут обращаться как историки социологии, так и историки общества.

В отличие от меня, с моим плюрализмом профессиональных занятий и интересов, он всю жизнь сохраняет верность своей главной теме: жизнь и труд рабочих, людей физического труда, социология труда, индустриальная социология. Его авторитет в этой исследовательской сфере, незыблем с 70-х гг. Руководитель социологической лаборатории Кировского завода, глава секции заводских социологов Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации (это в те времена). А вот в академических учреждениях его карьера складывалась непросто. Случилось так, что мы с ним в 80-х гг., после Института социально-экономических проблем, оказались работниками одного и того же завода — "Ленполиграфмаша", только я — в качестве рабочего, а он — в качестве инженера отдела НО-ТиУ (научной организации труда и управления). Причем я-то ушел из института на завод добровольно, а его — скорее "ушли".

Как-то "белой вороной" воспринимало его тогдашнее институтское и партийное (а Б. М. был беспартийным) начальство. (Кстати, примерно тогда же этот институт вынуждены были покинуть и некоторые другие мои "родственники" — Ядов, Фирсов).

В своем интервью, которое Борис давал тебе несколько лет назад (Телескоп, 2007, № 4⁴³) он много пишет обо мне и даже сравнивает нас двоих, причем как бы не в свою пользу. В подглавке своего интервью "Драматический социолог в драматической социологии", он полушутливо-полусерьезно замечает:

"...Он (Алексеев) хлебнул драматизма положения класса-гемона, стоящего на нижней ступеньке, я — драматизма пролетариев умственного труда, как будто бы "командиров производства", но тоже не избавленных от драматизма, а проще — идиотизмов, одним из которых было кручение вхолостую, или скачки на месте. По идее, я должен был тоже написать свои "письма из отдела НОТ". Но мой драматизм, и таковой же заводских ИТР остался втуне, я ничего не написал. Меня даже в КГБ ни разу не вызвали, до сих пор гадаю — почему? Ведь я тоже читал "Письма" Алексеева, встречался с ним непосредственно у его знаменитого станка в то время, когда он (не станок, понятно) — прямо на заводе — писал свои "клеветнические измышления". У меня тоже, наверное, как у всех социологов, кое-что можно было обнаружить, если нагреть с обыском; и я постарался спрятать кое-какие материалы. Смешно вспомнить — одним из них были тексты докладов конференции по героической советской эпохе — строительству БАМа. Возможно, дело в том, что Алексеев написал, совершил действия — и потерпел, я не написал — и не потерпел. Но я-то прихожу к неутешительному для себя умозаключению — видимо, посчитали меня недостаточно вниманием столь крупного органа государственной безопасности. Может быть, действовали по схеме: Максимов — это рядовое критическое существо, боящееся высунуться, его привлекать — это всех привлекать..."

Такое едва ли не самоуничижение (вообще говоря, характерное для Бориса) неоправданно. Кстати, в разгар гонений на мою персону (1986) не кто иной, как Борис Максимов явился — незванный — на заседание бюро отделения Советской социологической ассоциации (где предполагалось — да и состоялось! — показательное исключение меня из этой ассоциации), явился — чтобы опального Алексеева защищать.

Ну, а насчет "написал / не написал" о СВОИХ приключениях, то никто как Борис, уже в 1990-е — 2000-е годы оказывался во всех "горячих точках" рабочего движения, будь то Горбатовский мост (с шахтерами), будь то Пикалево, "Письма с Кировского завода" (в пору полного развала заводского производства середины 90-х гг.), участие рядовым интервьюером в социологической экспедиции в сельскую глубинку, работа переписчиком в последнюю Всероссийскую перепись населения, и даже — еще в перестроечные времена — депутат легендарного Ленсовета 21-го созыва. Его депутатство было, кажется, последним "драматическим" периодом жизни, собственной и общественной, которую он не проанализировал письменно, в своем профессиональном качестве социолога. А все остальное — это типичное НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ (если воспользоваться моим термином), которое предполагает "познание через действие", через свое личное участие.

Причем все это — в возрасте уже за 60, когда персональная пассионарность могла бы и спадать.

Так вот, возвращаясь к "родственной" аналогии, Борис Максимов мне как бы "брат-близнец". У каждого своя жизнь, но "родство душ" какое-то особенное, не сводимое к жизненным параллелям и пересечениям, общность жизненной позиции и масса общих черт "жизненного мира" и ценностного ядра личности.

⁴³ См. http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2007&id=478

Кому этот "комплимент" — мне или ему? Борис, скажет, что ему. Я считаю, что сделал себе комплимент.

Есть, впрочем, и различия в глубинных личностных характеристиках: Борис, пожалуй, "простодушнее", мягче, я же — более изощрен, жёсток, колюч, язвитель. (Недаром в свое время проходил в оперативном деле Ленинградского управления КГБ под кличкой "Аспд").

Но дай Бог каждому иметь в личностном ядре такой же твердый внутренний стержень, как у мягкого, сверхсовестливого Бориса. Хочется верить, что в этом мы также сходимся.

— Спасибо, Андрей, я, кажется, исчерпал свои вопросы на данный момент... но готов поддержать нашу беседу по предложенной тобою теме, которая позволит тебе высказать еще не высказанное.

— Знаешь, мне было интересно, что ты спросишь, не меньше, чем тебе — что я отвечу. Давай, сохраним эти правила игры. Интервьюируемый должен быть не слишком инициативен. Иначе это может превратиться в "самоизлияние". Интервью — это соавторство, где роль ведущего уготована интервьюеру.

— Казалось, в апреле мы закончили нашу беседу, но время, прошедшее после ее завершения, и события в России заметно отразились в твоей текущей исследовательской и публикационной (можно сказать — публичной) активности. Прежде всего я имею в виду твои практически ежедневные обзоры российско-украинских событий и твой анализ опросов по этой проблематике, проводившихся "Большой тройкой": ВЦИОМ, "Левада-центр" и ФОМ. В первом случае ты выступаешь скорее как социолог-политолог, во втором — как социолог-методолог, хотя резкой границы между этими двумя группами материалов нет. Чем бы ты объяснил свое глубокое погружение в эту тематику? Ты сам считаешь, что это нечто принципиально новое в твоей исследовательской деятельности или продолжение ранее сложившихся направлений, линий?

— В принципе, моя активность в качестве работника (служителя) публичной социологии, началась не в последние пару месяцев, а несколько лет назад, что я обозначил в самом начале как "Мониторинг современной общественной жизни" и "Наблюдающее участие в жизни социологического сообщества". Другое дело, что в последние год-полтора эта деятельность стала особенно заметна, благодаря ведению мною специального, можно сказать, социологического (но и не только) "блога Андрея Алексеева" на информационно-аналитическом портале "Когита.ру"⁴⁴.

Среди моих публикаций, касающихся современной социологии, в частности, ее роли и места в общественной жизни страны, пожалуй, наибольший резонанс получили: "Социология и политика. Продолжение переписки А. Алексеева и А. Ослона"⁴⁵; "Крымский вопрос" как предмет "социологического обслуживания" и социологического исследования⁴⁶; "Звездный час или позор российской опросной социологии?"⁴⁷.

Новым здесь являются разве что объекты вторичного анализа и / или критического рассмотрения: деятельность ведущих полстерских компаний России, регулярная интерпретация получаемых ими результатов и взгляд на текущие социально-политические процессы, и в частности, на картину общественно-

го мнения, в его (ОМ) структуре и динамике — сквозь призму всероссийских или региональных социологических опросов. Однако традиции "рефлексивного знания для академической аудитории" и "рефлексивного знания для внеакадемической аудитории" (соответственно, *критической* и *публичной* социологии, по известной типологии М. Буравого) здесь сохраняются / продолжают. Впервые они были заложены и, как я считаю, внятно сформулированы в "Драматической социологии и социологической ауторефлексии"⁴⁸.

Ты упомянул российско-украинские события и массовые опросы по этой проблематике, как предмет моего интереса и специального рассмотрения. Да, лучшего теста для мировой общности, для российской власти и для населения России, для социологического сообщества, то есть для наших коллег, да и для нас с тобой история современности не могла придумать. Опираясь на материалы опросов "Левада-центра" (и не только), на многочисленные социологические (и не только) наблюдения, я попробовал построить своего рода укрупненную типологию общественно-политических (мировоззренческих?) позиций во взрослом населении России. Протицирую себя:

"Итак, как минимум двое из пяти россиян <...> суть если не носители, то приверженцы РУССКОГО МИРА (*имеется в виду "особый путь России*. — А. А.), примерно каждый третий <...> ЗАПАДНИК и каждый пятый <...> ПРОСОВЕТСКИЙ..."⁴⁹.

Сразу оговорю, условность такого подразделения и отсутствие *осознанного* позиционирования большинства респондентов на том или ином из этих трех "полюсов". То есть ответ "затрудняюсь сказать", даже на не "лобовые" вопросы на этот счет, по существу, можно было бы отнести к куда большему количеству опрошенных, чем те 10 процентов, которые показал, в частности, тот опрос "Левада-центра", который я использовал, строя эту типологию.

Ну, самые последние русско-украинские события (отторжение Крыма от Украины в пользу России; "ползучая" российская агрессия на юго-востоке Украины и т. д.), помноженные на массивную пропагандистскую обработку российского массового сознания, пожалуй, повысили долю, "адептов" так называемого "особого пути России", оказывающихся при этом зачастую носителями "имперской", квазипатриотической и даже ксенофобной ментальности.

Пожалуй, процент сохраняющих иммунитет от шовинистической пропаганды сегодня не выше 20 процентов (что, впрочем, заведомо выше тех 10 и даже менее процентов, которые показывают всероссийские социологические опросы. (При интерпретации результатов этих опросов, как правило, не учитывается эффект "социально-одобряемых" (приемлемых) ответов, естественно, возрастающий в обществе, движущемся к тоталитаризму). Примерно таков, я полагаю, масштаб так называемой "пятой колонны", или массы "национал-предателей" (пользуясь терминологией В. Путина).

Ну, к какой категории российского населения отношусь я сам, ты, думаю, хорошо знаешь. Увы, даже среди наших коллег на этот счет нет единодушия, а некоторые готовы "и невинность соблести, и капитал приобрести", что иногда у них неплохо получается.

Август 2013 — январь 2014 — июль 2014

⁴⁵ См. <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/sociologiya-i-politika.-perepiska-a.-alekseeva-i-a.-osloni.-prodolzhenie-razgovora>.

⁴⁶ См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/krymskii-vopros-kak-predmet-sociologicheskogo-obsuzhivaniya-i-sociologicheskogo-issledovaniya>.

⁴⁷ См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/zvezdnyi-chas-ili-pozor-rossiiskoi-oprosnoi-sociologii>.

⁴⁸ См. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>.

⁴⁹ Алексеев А.Н. "Особый путь России"? / Когита.ру, 10 апреля 2014 (<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/osobyi-put-rossii>).